

Эдуард

Веркин

СТРАШИЛКИ

ЧУДОВИЩЕ
с улицы Розы

Эдуард Веркин

Чудовище с улицы Розы

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165364
Веркин Э. Чудовище с улицы Розы: Повесть: Эксмо; М.; 2005
ISBN 5-699-09615-9

Аннотация

Оказывается, эти странные твари бродят по нашему миру, втираются в доверие к людям, проникают в семьи... Они ждут своего часа, чтобы начать охоту. И выходят темными ночами, когда люди ворочаются в беспокойстве на своих постелях, а собаки воют, объятые смутным страхом... И нельзя остановить их. Ведь никто не верит, что такое возможно. Но ведь врачи могут подтвердить, что Римма – не человек. Но почему-то не делают этого. Молчат. Значит, такие, как Римма, кому-то нужны?.. И вот теперь на мальчишку по имени Сеня «повесили» все отвратительные преступления этой жуткой девочки. Он посажен под стражу – потому что опасен. Но только Сеня может избавить округу от появившейся в ней нечисти. Ведь он успел кое-что узнать о прикинувшейся девочкой опасной твари, которая несет в мир зло. А этого достаточно, чтобы...

Содержание

Глава I	4
Глава II	7
Глава III	17
Глава IV	28
Глава V	43
Глава VI	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Эдуард ВЕРКИН ЧУДОВИЩЕ С УЛИЦЫ РОЗЫ

Глава I ЭТО КОНЕЦ

Кажется, все было так.

– Пошел, – сказал я тогда Баксу.

Я еще договаривал это короткое слово, оно еще прыгало у меня на языке, а Бакс уже несся вперед. Он двигался так резко, что ноги его сливались в размытое пятно, совсем как у гонящегося за антилопой гепарда. Издали Бакс был похож на большую ожившую кляксу. На злую черную пулю, выпущенную из бесшумного духового ружья. Прямо в цель.

Когда я пробежал метров сорок, Бакс опередил меня уже метров на тридцать, а может, даже и больше. Бакс, несмотря на свои внушительные размеры, совсем не был увальнем. Он был сильным и быстрым. Гораздо сильнее и резвее меня. Именно поэтому я и послал его первым.

Мы неслись между яблонями, быстро, как только могли. Так быстро, что я даже не успевал дышать, вдыхал через раз.

Взрыв-вдох, взрыв-выдох. Думать я тоже не успевал. Да и не о чем было больше думать.

Мы выскочили на лужайку.

Ли увидела нас и радостно воскликнула:

– Эй, ребята! Привет!

Бакс не снизил скорости.

Когда-то в детстве я видел картинку. Поле со скошенной травой, озерко, гуси купаются. К гусям с двух сторон подкрадываются лисы. Нарисовал один мальчик. Картинка была удивительна тем, что художник увидел все это, как бы с высоты птичьего полета. Белые горошины гусей и острые стрелки лис. И это придало всей сцене необыкновенную живость и какую-то даже трагичность. Когда смотрел на нее, я ясно видел, что произойдет в следующее мгновение: лисы рванутся, гуси заорут, ветер поднимет белые перья...

И, приближаясь к Ли и Римме, я вдруг увидел все происходящее, как бы глазами того мальчика-художника. Сад, яблони, трава, на небольшой полянке гуляют две девочки. И мы с Баксом направляемся к ним. Пройдет несколько мгновений, и ветер поднимет...

– Бакс!!! – крикнула Ли. – Стоять!

Мы не остановились.

И Римма все поняла. Сразу. Она выдвинулась вперед и присела. Ли испугалась, успела еще крикнуть:

– Стоять!!!

Бакс шел первым. Мой расчет был точен. И Бакс прыгнул.

Римма инстинктивно выставила вперед руку. Бакс повис на ней и потащил Римму вправо.

Потом подоспел я. Прыгнул, и меня было уже не остановить. Краем глаза я увидел, как в обмороке оседает на траву Ли.

Затем я врезался в Римму.

Глава II

В КЛЕТКЕ

Скоро меня убьют. Вероятнее всего, в конце этой недели. А может, и на следующей. Убьют. Убьют, тут уж ничего не поделаешь.

Они должны меня подержать тут еще какое-то время, потом отправить куда подальше, в какую-нибудь спецшколу для особо неодаренных. Там со мной начнут заниматься психологи, станут ставить на мне опыты, будут показывать мне кляксы и спрашивать, что я в этих кляксах вижу...

Но этого не случится.

Потому что скоро меня убьют.

Я понял это, как только в мою комнату вошел Белобрысый.

Он улыбнулся, сел на стул и угостил меня леденцами. Затем представился. Психолог. Очередной психолог, он хочет мне помочь, он большой специалист по девиантному¹ поведению среди несовершеннолетних и знает, как действовать в подобных случаях. Если я буду сотрудничать, он мне поможет.

Я сказал, что готов сотрудничать. И в том, что он мне поможет, я тоже не сомневался. Он поможет мне отправиться

¹ Девиантное – отклоняющееся от нормы.

на тот свет с минимальными для меня усилиями.

– Ты интересный мальчик. – Белобрысый смотрит мне в глаза. – Очень интересный...

И он рассказывает мне о том, что современная наука шагнула далеко вперед и таких, как я, лечат и успешно возвращают в общество. Я согласно киваю. Я вижу, что в глазах Белобрысого прыгает моя смерть.

Просить бесполезно. Белобрысый меня не пощадит, а он тут самый главный. Это видно.

Он сидит напротив меня и улыбается.

Мне с ним не справиться, он гораздо сильнее меня. Он гораздо сильнее даже Риммы. Белобрысый прибьет меня одной рукой, даже не вставая со стула. А Бакса больше со мной нет.

Мне скучно без Бакса, я к нему привык. Я купил его на базаре у одной женщины. Она не знала, какой он породы, называла его «собачкой» и просила сто пятьдесят рублей. У меня было двести, нам, сиротам, полагается ежемесячная помощь от государства, я заплатил и сунул под куртку похожее на валенок существо. Дом, в котором я тогда жил, располагался за городом, воспитанники вели подсобное хозяйство, и пристроить в нем собаку не составило никакого труда. Бакс вырос быстро и вырос большим, сильным и умным. Все его любили, и у меня никогда не было проблем с его содержанием. Во всех приютах, в которых я побывал за свою жизнь, Бакса принимали и любили.

Теперь его нет. Мне без него тяжело, я к нему привык.

А вообще здесь неплохо. Видимо, это какая-то новая клиника или тюрьма, экспериментальная или построенная на деньги каких-нибудь там миллионеров и спонсоров. У меня отдельная комната с кроватью, двумя стульями и телевизором. Правда, телевизор подвешен высоко, почти под потолок, а экран забран сеткой, но все равно это здорово. У меня никогда не было своего телевизора и своей отдельной комнаты, вся моя жизнь с самого начала была сплошным общением. Хотя нет, в доме у Ли у меня была и своя комната, и свой телевизор, только недолго. И холодильник в кухне, в который можно залезать в любое время.

Здесь холодильника нет, зато есть трехразовое питание. Утром, в обед и вечером. Кормят хорошо, я даже немного поправился. Это и неудивительно, двигаюсь я мало. Зарядки здесь не предусмотрено, все свободное время я лежу на кровати и смотрю в телевизор. Книжек мне не выдают, иногда приносят газеты, ведь отсутствие газет нарушает мои гражданские права.

Гулять меня не выпускают, как особо опасного. Я ведь очень опасен, даже несмотря на перелом... Кстати, перелом мне они залечили. Даже, кажется, вставили в кость стальной штырь для крепости. Так что я теперь здоров. Почти здоров – некоторая скованность в локтевых движениях все равно наблюдается, и еще я слегка хромаю. Это от пойнтеров². Но с этим можно жить.

² Пойнтер – порода охотничьих собак.

Они меня вылечили. Белобрысый специально проследил за этим, лично проследил. Зачем это ему надо, не понимаю. Зачем меня лечить? Чтобы отправить на тот свет здоровеньким? Это даже как-то обидно. Кругом полно больных и голых, а лечат меня. Смертника. Вот так.

Я думаю, что Белобрысый делает это специально, чтобы в случае чего отвести от себя подозрение. Типа он сделал все, что мог, даже здоровье ему поправил, но ничего не получилось, угрызения совести пациента оказались не совместимы с жизнью...

На прошлой неделе ко мне приходил очередной психолог с учениками. Когда ко мне приходит такая компания, меня забирают из моей комнаты. Два здоровенных, как шкафы, санитары ведут меня направо по коридору, в специальный бокс, где есть все нужное для мозгокрутства. Иногда мне в голову приходит идея: а что, если взять да укатать этих мужиков, и попробовать удрать?

В принципе это выполнимо. Если я буду достаточно быстрым и если мне повезет, я смогу вырваться от них. А дальше что? Куда бежать? Судя по глухой тишине и отсутствию окон, я нахожусь в подвале. Может, на первом уровне, а может, на десятом. Даже если я убегу, я не смогу выбраться на поверхность.

Так вот, на прошлой неделе ко мне заходил психолог с учениками. Я им очень интересен. В последнее время участились случаи, подобные моему, и они собираются про-

вести исследование и написать серьезную научную работу. Юные психологи светили мне фонариком в зрачки, тесты какие-то проделывали. Определите, какая из фигур на этом рисунке лишняя. Заставляли веревочку в кольцо протаскивать, будто я обезьяна какая! Здорово меня затрепали, я не выдержал и даже рыкнул на них. Так они отскочили все от стола и сразу же позвали санитаров. Те ворвались в бокс, заломили мне за спину руки и сунули под нос шокер. Искра заплясала у меня перед глазами, и я сразу стал смирным и послушным, как ягненок. А эти психологи тут же бросились писать в свои блокноты: «крайняя степень агрессии», «крайняя степень опасности», «крайняя степень социопатии»³... Чушь, короче, писали. Фотографировали тоже. А перед уходом психолог сказал этим своим ученикам, что, мол, несмотря на все что я натворил, со мной надобно поступить гуманно, мы ведь не в каменном веке живем. Ученики согласно закивали.

Тогда я втянул посильнее воздух, как бы определяя, кто из них пахнет вкуснее, и аппетитно облизнулся – психолог и его команда стремительно свалили, только я их и видел. Удрали, оставив после себя в воздухе запах больницы. Спирт, лекарства, резиновая обувь. Хоть какое-то разнообразие. Один даже карандаш свой забыл, я этот карандаш спрятал. А санитары меня сразу бац – фейсом об тейбл.

Больно. Так и живем. Но карандаш не заметили.

³ Социопатия – активное неприятие общества.

Или еще. Тоже на прошлой неделе. Приперлись две дамочки с фотоаппаратами. Не знаю уж, кто их пустил, обычно ко мне никого не пускают. Нельзя. А они из какого-то журнала глянцевого, пишут статьи типа «Пришельцы похитили свинью-рекордсменку». А я фигура заметная, как говорят в таких журналах, ньюсмейкер⁴. Дамочки угостили меня домашними сырными шариками и давай проливать надо мной слезы. Что я не виноват, что я такое несчастное существо, жертва этого жестокого мира, неправильного устройства общества. Утешать меня давай, говорили, что уже начат сбор подписей за мое помилование, что меня помилуют, а потом непременно вылечат. И я стану хорошим мальчиком и уже никого никогда не прикончу...

И фотографировали меня с разных сторон. И так и сяк.

Этих я не стал пугать, сырники были вкусные.

Интересно, думал я, каким же надо быть полным придурком, чтобы подписаться под прошением о моем помиловании? Я бы сам себя, если бы, конечно, не знал всей правды, никогда бы не помиловал.

Но меня помилуют. Я еще маленький, к тому же псих. Меня лечить надо.

Но Белобрысый не будет меня лечить, и уж, конечно, он меня не помилует. Выждет удобный момент и прикончит.

Я надеюсь, это будет газ. Мне хочется, чтобы это был газ. Я слышал по телевизору, что газ – самая приятная и безбо-

⁴ Ньюсмейкер – создатель информационных поводов.

лезненная смерть. Раз, и все – сон. Раз – и ты уже на зеленом лугу, в краях, богатых дичью, в месте, где нет никого, кто был бы тебе неприятен. Белобрысый подойдет ночью к двери и выпустит под нее газ из баллончика. И никаких следов в крови, сердце остановилось, и все. А он будет смотреть на меня через стекло двери... Впрочем, не буду забегать вперед.

Почему я все это тут рассказываю? А рассказываю я все это потому, что мне совершенно нечего делать. Целыми днями я лежу на койке, смотрю в стену. Иногда в телевизор. Читаю что-нибудь в газетах.

Два раза в час в дверь заглядывает дежурный. Он минуту смотрит на меня пустыми глазами, потом исчезает. Бывают дни, в которые я, кроме этой рожи, ничего больше не вижу. Последние часы я проведу в одиночестве.

По местному телеканалу крутили передачу про проблемы воспитания подрастающего поколения, про меня там тоже был сюжетец. Показывали Па. Па от меня отказался. Его спросили, почему я такой, а он понес чушь об ответственности, о просчетах в воспитании, о дурной наследственности, а потом сказал, что он не виноват, он со мной знаком всего полгода, за полгода ничего не успеешь...

Я не очень расстроился, это ведь было правдой.

После Па показали Ма. Ма заявила, что ей за меня стыдно, а больше ей нечего сказать. И отвернулась.

Ли ничего не сказала, ее не показывали по телевизору. Это хорошо. Если бы еще и она чего-нибудь булькнула, я не

знаю, что стал бы делать. Повеситься тут нельзя, выручат. Откусить язык и истечь кровью, как японский ниндзя, я не смогу решиться. Один мужик отломал ножку у кровати, налил водой, вставил пыж из резины, а поверх него жеваных газетных шариков. Привязал один конец к батарее, а другой приложил к виску. Ночью вода нагрелась, расширилась, и шарики снесли мужику полбашки. Но это слишком сложно технически. Так что буду пока жить. Что еще остается делать?

Так вот. Возвращаясь к вышеподуманному. Скорее всего это будет газ. А может, Белобрысый подсыплет мне в суп какого-нибудь крысомора. Мало ли?

Или укол. Мне сделают успокаивающую инъекцию или там витамины, а в шприце случайно окажется какой-нибудь яд.

Или... да мало ли что? Белобрысый может запросто вывезти меня куда-нибудь за город и просто пристрелить. У него есть пистолет, видимо, он положен ему по должности. Однажды Белобрысый заглянул ко мне. Он часто заходил, почти каждый день. Я сидел за столом и смотрел телевизор. Он вошел и устроился напротив меня.

Я что-то почувствовал, какую-то угрозу и покосился на видеокамеру в углу моей комнаты. Все нормально, огонек горит.

Белобрысый посмотрел в ту же сторону.

– Она отключена, – улыбнулся он. – Я же тут все-таки

главный. Огонек – это так, для отвода глаз.

Белобрысый засмеялся. Засмеялся точно так же, как она. И вдруг резко выхватил серебристый пистолет и положил его на стол. Прямо между нами.

– Попробуй, – усмехнулся он. – Вдруг получится.

Искушение было велико, но я все-таки удержался. Если он такой же, как Римма, то он гораздо быстрее меня, я даже руку не успею протянуть.

– Тогда я. – Он взял оружие и уставил его мне в лоб.

Я знал, что он не выстрелит. Это слишком явное убийство. Он сделает это позже. Я знаю это. Я это чувствую.

Вы спросите меня: почему я не жалуясь и не прошу никого о помощи?

Во-первых, тут некому жаловаться. Белобрысый тут главный. Во-вторых, у меня синдром богадельни ⁵. Дети, которые всю жизнь провели в приютах, детских домах, центрах временного пребывания и других подобных заведениях, не жалуется. Даже в самом маленьком возрасте. Они молчат и сами решают свои проблемы. Так и я. К тому же, если я буду всем говорить, что здешний начальник собирает меня убить, мне все равно никто не поверит.

А он собирается. По-другому он просто не может. Он ведь точно такой, как она.

И он меня уберет. И не только потому, что месяц назад я расправился с девочкой по имени Римма.

⁵ Богадельня – здесь: детский дом, приют.

Но еще и потому, что я вижу, кто он на самом деле.

Глава III

КИКИ ПРОПАЛ

Я придумал, чем себя занять. У меня много газет и есть забытый психологами карандаш. Я затачиваю карандаш о спинку кровати и пишу мелкими-мелкими буквами на полях газет свою историю, потом отрываю поля, скатываю в мелкие трубки и прячу в тайник в подошве ботинок. Порою я думаю, что, если вдруг кто-нибудь когда-нибудь найдет мой рассказ и опубликует, он вполне может его озаглавить «Рукопись, найденная в ботинках».

Я рассказываю все это для того, чтобы убить время, которого у меня в избытке, я рассказываю это в расчете на то, что мои газетные трубочки хоть кто-то найдет. Тогда он будет знать, как все получилось. И тогда у него будет шанс. А еще я хочу, чтобы хоть кто-нибудь узнал, что я не псих, не сумасшедший и не лгун. Чтобы хоть кто-нибудь узнал правду.

Сразу хочу предупредить, что рассказ мой будет сбивчивым. Может даже показаться, что я перескакиваю с одного события на другое, из прошлого в настоящее и так далее. Это так. Вы, наверное, это уже заметили. Просто я не знаю, как рассказать все по-другому. Я сижу в своей камере и описываю то, что происходит со мной сейчас, в этот конкретный день. А потом я начинаю вспоминать, что случилось тогда,

месяц с небольшим назад. Вот поэтому такой разнобой и получается. Порой я вставляю для ясности несколько мыслей, которые, как мне кажется, поясняют происходившее. А иногда и не вставляю.

Это была абсолютно черная собака. Черная, как смола, которой покрывают дороги. Собака стояла возле изгороди и чесала бок. Затем она остановилась и посмотрела в мою сторону.

Холод.

Я закрыл глаза. А когда открыл, черной собаки уже не было.

Показалось, подумал я. Я снова закрыл глаза и снова уснул. Солнце светило через закрытые веки, и сон мой был крепок и безмятежен. Что может быть лучше полуденного сна в старом, чуть поскрипывающем кресле-качалке?

– Бакс!

Я повернул голову. Бакс насторожил уши и поглядел на меня.

– Бакс!

Я зеваю и потягиваюсь, хрустя суставами.

– Бакс, зараза такая!

Бакс смотрит на меня. Я киваю.

Бакс вскакивает на ноги.

– Сэм!

Это она меня зовет. Ли. На самом деле ее зовут, конечно,

не Ли, а Елизавета, но кто, скажите, будет называть так двенадцатилетнюю девчонку? Правильно, никто. И все зовут ее Лиза. А я еще короче – Ли. Потому что Лиза – слишком глупо и мне не нравится, похоже на «лизать».

– Бакс! – кричит она. – Сэм! Идите сюда!

– Ли! – отвечаю я и спешу через кусты на голос.

Кстати, я тоже не Сэм. Это мое прозвище. Так меня все называют. Мое настоящее имя Семен. Сеня. Но Семен длинно и старомодно. Раньше меня звали Сеню, но это вообще не то. В итоге я получился Сэм. Так и коротко, и мне нравится. В том месяце у меня был день рождения, и Ли подарила мне серебряный доллар с дырочкой. Я спросил, при чем тут доллар. Ли же сказала, что \$ – на самом деле это объединенные латинские буквы U и S, что означает одновременно и United States, то есть Соединенные Штаты Америки, и Uncle Sam, то есть Дядя Сэм. Мне такой умный подарок очень понравился, я прицепил доллар на цепочку и так теперь с ним и хожу. И каждому понимающему человеку сразу видно, что я – Сэм.

Сэм и Бакс.

Как появилось имя Бакс, я не очень-то и помню. Кажется, кто-то назвал его Собакой Баскервиллей, сокращенно Баск. Но Баск не очень удобно звучит, так что постепенно он переименовался в Бакса. Ему, кстати, Ли тоже подарила доллар. Тут уж понятно почему – Бакс. Бакс, он доллар и есть.

– Бакс! – зовет Ли. – Сэм!

Я киваю еще раз. Бакс срывается и пролетает через кусты. Я следую через кусты за ним.

Бакс уже несется к Ли. Он ее уже видит, но остановиться не успевает. Это он специально. Спотыкается и летит вверх пузом, дрыгая в воздухе ногами. Шлепается на спину. Это он специально, я-то его знаю. Ли очень нравится, когда он так вот переворачивается и шлепается. Она думает, что Бакс неуклюжий, жалеет его.

– Какой он у тебя сундук, Сэм! – смеется она. – Как ты совсем!

Я смущенно улыбаюсь.

Ли хватается Бакса за уши, он злобно рычит.

Ли смеется.

– Я ловчее тебя! Ты, увалень!

Сама Ли ходит на гимнастику, и поэтому она очень ловкая.

Но Бакс все равно ловчей. Он ведь собака. А любая собака в десять раз ловчее самого ловкого человека. Вот, например, Ли очень любит неожиданно щелкать Бакса по носу. Не знаю, чего уж интересного в том, чтобы щелкать пальцем по мокрому собачьему носу, но многим людям это нравится. Ли тоже. За те доли секунды, что ее рука тянется к его морде, он может отпрыгнуть по крайней мере пять раз, но, чтобы сделать ей приятное, он сдерживает рефлекс и дожидается, когда ее палец коснется кончика его носа. Я-то его, хитрюгу, знаю.

– Попался! – радостно крикнет тогда Ли, а я сделаю вид, что жутко расстроен неловкостью своего пса.

Затем она назовет его еще раз сундуком и угостит собачьим печеньем. Я сделаю пальцами запрещающий знак и возьму печенье сам.

– Ты чего? – удивится Ли. – Ешь собачье печенье?

– Ага. Оно вкусное. Вот попробуй!

Ли тоже берет круглый сухарик прямо из-под носа жалобно скулящего Бакса. Пробует.

– И в самом деле вкусное. Только несоленое.

– Собакам соленое и сладкое нельзя, – объясняю я. – А сухарики вкусные, мы раньше всегда их ели. Поешь, водичкой запьешь, и все в порядке.

– А чего Бакс их не кушает? – спрашивает Ли.

Бакс скулит громче. Я разрешительно подмигиваю ему. Он зарывается мордой в сухари и аппетитно хрустит.

– Хороший. – Ли снова щелкает его по носу.

Бакс не обращает внимания, не уворачивается. Пусть Ли думает, что это она у нас тут самая быстрая.

– У нас тоже раньше собака была. – Ли треплет Бакса по голове.

Ей можно. Из остальных никто не решается, разве что Ма. Да и то с опаской.

– Собака была у нас. – Ли гладит Бакса по спине. – Породы лабрадор. Только ее потом машиной сшибло. А ты, Бакс, злодей! Кто в гостиной на диване валялся? Селедка снова

ругаться будет – ты ей на диван шерсти напустил, а ей убирать. А это, между прочим, исторический диван, на нем однажды сам Гагарин сидел!

Я киваю головой и стучу кулаком Баксу по голове. Я-то прекрасно сознаю, что диван – вещь историческая, только вот Баксу на это глубоко наплевать. Ему что Гагарин на диване сидел, что Маленький Мук – все едино. Он знает, что на диване очень удобно валяться. Вот он и валяется. Я сижу в кресле, смотрю телевизор, а Бакс лежит на диване и тоже смотрит. Во всяком случае, делает вид, что смотрит.

А Селедка – это наша домработница. Ее зовут Изольда, но на Изольду она совершенно не похожа. Похожа на селедку. Так и зовем.

– Селедка его пылесосом! – смеется Ли. – Всю пыль из него вычешет!

Бакс боится пылесоса. Это ужасно смешно. Почти шестидесятикилограммовая зверюга, способная перекусить дюралевую трубку толщиной в большой палец, при первых же пылесосных звуках прячется под кресло или в какую другую щель и не появляется, пока уборка не будет окончена. Как щенок. Селедка этим пользуется и Бакса моего всячески ущемляет. По дому гоняет.

Впрочем, Бакс ей мстит. Несет, бывало, Селедка чай на веранду, а Бакс спрячется в кустах, а когда Селедка проходит мимо – как выскочит! И морду еще такую зверскую делает, что кто угодно испугается, не только Селедка. Селедка

взвизгнет, поднос у нее на траву упадет, а Баксу только того и надо – быстренько все пирожные и сахар проглотит – и в сад, под деревом дрыхнуть. А Селедка назад в дом идет – за новыми пирожными. А обратно уже с пылесосом – чтобы Бакса отпугивать. Такая у них война.

А вообще-то мой Бакс – добрейшее существо. Недавно Ли притащила из школы белую крысу, так этот дурень ее взял, да и тяпнул, думал, игрушечная. Крыса, конечно, всмятку, Ли в слезы. А Бакс как понял, что натворил – так чуть не рехнулся. Заскулил и под дом забился, еле я его оттуда выманил. Он потом неделю переживал – ничего не ел, а это для него пытка настоящая.

– Помнишь Селедку? – спрашивает Ли. – Тетю Изольду? Пылесос помнишь?

При слове «пылесос» Бакс морщится и показывает зубы.

Ли покатывается от хохота.

– А ну, найди Селедку! – говорит Ли.

Я одобрительно киваю.

– Давай, поищи ее, – просит Ли.

Бакс поднимает морду вверх и втягивает воздух. Морда его начинает дрожать и дергаться, я просто вижу, как сквозь его мозг проносятся сотни, тысячи запахов, окружающих нас со всех сторон и нами не слышимых и не ощущаемых.

Яблоки, яблочная кора, баранина с кухни, бензин из гаража, сигареты – это Ма втайне курит, пыль, в углу сада кроличье семейство, соседи топят углем, одеколон «Арктика» –

это Па, кожа дивана... Ага, так и есть. Селедка. Рубит в кухне салат...

Бакс уже собирается выпустить наполнившие его голову запахи обратно, в мир, но вдруг там, в мешанине сотен и тысяч оттенков, он ловит то, что заставляет его задержать выдох.

Запах. Неуловимый, практически неуловимый, одна частица на миллион.

Бакс поворачивает морду ко мне, и я вижу, как шерсть у него на загривке поднимается, а глаза выкатываются. Зрачки расширены.

Такого Бакса я видел всего один раз.

...Мухи. Огромные черные мухи въедаются в еще живое мясо...

Собака напрягается, готовая сорваться с места, я с трудом удерживаю ее за поводок.

– Что это? – спрашивает Ли. – Что с ним?

– Не знаю, – отвечаю я. – Что-то почувствовал.

– Что?

– Всякое может быть, – говорю я. – Может быть, котяра этот...

Бакс смотрит в сторону сада и дрожит, я чувствую, как ходят под шкурой его мышцы.

Он рычит.

– Скажи. – Ли треплет меня за рукав. – Скажи, а то я буду всякую ерунду выдумывать и только напугаюсь.

Я смотрю на Ли.

– Я никому не разболтаю, – уверяет она меня. – Честное слово, никому не разболтаю...

Бакс рычит, я с трудом удерживаю его.

Но тут налетает северный ветерок, и Бакс неожиданно успокаивается. Я отпускаю ошейник.

– Я видел черную собаку, – сообщаю я.

– И что? Вокруг полно черных собак. А там под забором есть хороший подкоп, Бакс вырыл. Слушай, а может, он на собаку и рычал?

– Ты не поняла, – я усаживаю Бакса на землю. – Это не простая собака.

– Бешеная? – испуганно оглянулась Ли.

– Не бешеная... Это... другая собака... Таких собак видят перед тем, как случится что-либо нехорошее. Это как дурная примета...

– Все-все-все, – замахала руками Ли. – Дальше не рассказывай! Я не люблю всякие страшилки...

Я пожал плечами.

– Это не значит, что обязательно что-то плохое случится, – сказал я. – Но когда видишь черную собаку – это знак. На это нельзя не обращать внимания...

– А ты откуда знаешь, что это знак? – спросила Ли.

– У нас в приюте истопник был, его Сухим звали, – ответил я. – Он все про разные знаки знал. Всех нас учил. У него поперек тела шрамы в несколько рядов шли...

– Откуда?

– Он говорил, что оборотень.

– Оборотней не бывает, – сказала Ли.

Я промолчал.

– Ну, хорошо, будем считать, что наш Бакс почуял оборотня, – захихикала Ли. – У меня есть серебряные сережки, можем их переделать в пули.

– Отличная идея, – сказал я. – Но только не сейчас, сейчас слишком жарко, чтобы плавить серебряные пули.

– А что делать тогда будем? – спрашивает Ли. – В догонялки не будем играть, надоело. В прятки тоже. Может, погуляем? До озера и обратно?

Я не против погулять. Бакс же при слове «гулять» начинает приплясывать.

– Вот и отлично, – говорит Ли.

И она попыталась снова щелкнуть Бакса по носу, но в этот раз он решил уклониться.

После чего мы направились к воротам. Ли шагала впереди, я тащился сзади, Бакс, как самая настоящая телохранительская собака, брел за мной – прикрывал спину.

Возле ворот нас догнал на машине Па. Он затормозил и опустил стекло.

– Гулять идете? – спросил Па.

– Ага, – ответила Ли. – К озеру спустимся. Лимонаду купим.

– Понятно... – Па почесал подбородок. – Вы там повнима-

тельное смотрите.

– А что?

– Кики пропал, – сказал Па. – Вчера с утра куда-то ушел, и все, больше нет. Мать расстроена. Плачет.

– Может, погулять пошел, – предположила Ли.

– Он раньше никогда на ночь не задерживался.

– А может, он на чердак залез? – еще предположила Ли.

– Чердак я прошлым летом забил, забыли, что ли?

– Он все-таки кот... – сказала Ли.

Па покачал головой, открыл ворота и поехал в город.

– Кики пропал, – задумчиво произнесла Ли.

Бакс гавкнул, выражая сдержанную радость.

– Может, еще отыщется, – предположил я.

Так и началась вся эта история.

Глава IV

НЕНАВИЖУ КОШЕК

Это был мой первый настоящий дом. До этого я жил в основном по приютам, а один раз в интернате для детишек, больных туберкулезом. В туберкулезном интернате жилось лучше всего, он располагался в кедровнике, и там хорошо кормили. А год назад запустили федеральную опекунскую программу. Типа, пусть каждая обеспеченная семья, ну те, кто хочет, конечно, возьмут на попечение по ребенку из детских домов, а кто может, пусть возьмет двух.

Многие богатенькие Буратино откликнулись на призыв правительства и взяли себе сироток. Мне тоже повезло. Я попал в дом к Ли.

Ли была единственным ребенком. Па и Ма хотели еще детей, но у них чего-то там не получилось. И они решили помочь мне.

Меня приняли очень хорошо. Взрослые выделили мне комнату на втором этаже и разрешили называть себя Ма и Па. Ли подарила мне компьютер, правда, я не умел им пользоваться.

Бакса все они тоже признали, он был добрым псом и умел расположить к себе людей...

Бакс.

Иногда я завидую ему, он сейчас мертв. Мертв, мертв, могу поспорить. Я слышал, как хрустнул позвоночник, после такого хруста не выживают. Мне жаль его. И еще мне стыдно. Это ведь я подставил его, я. А по-другому было нельзя, по-другому я бы не справился. И выбора у меня не было – или Бакс, или Ли. На самом деле выбора не было. Но я думаю, Бакс на меня не обижается. Он смотрит на меня со своих богатых дичью лугов и не обижается. Он выполнил свой долг, оправдал свое предназначение и существование, иначе он поступить просто не мог. Как всякий настоящий воин, он встал на защиту своей семьи и погиб в бою. Слава тебе, мой друг, мне тебя не хватает.

Забавно, сегодня прочитал в газете интервью Селедки. Я вообще-то думал, что мне газеты нельзя читать, чтобы психика у меня дальше не расшатывалась. Но, видимо, по указанию Белобрысого газеты мне приносят. Он хочет изучить мою реакцию.

Так вот газета. Селедка там на целую страницу разразилась рассказом о том, как она спасла Ли, «этого несчастного ребенка», от «кровожадного чудовища и его зверя», то есть от меня с Баксом. Как она героически выскочила из дома, как, орудуя граблями, отогнала меня от тела и грудью защитила Ли. Как вызвала милицию... Ну, и так далее. Кажется, ей собираются вручить медаль за личное мужество.

Хотя на самом деле все было не так. Едва Селедка выка-

тилась на полянку, как сразу же завопила, словно сирена на озерном буксире. И вопила, наверное, целую минуту и только потом уже героически спряталась в будке для садовых инструментов. Я, когда убежал, ее слышал.

Ладно с ней, с Селедкой. На нее я не в обиде. Сейчас в меня только ленивый не плюет. Вчера по телевизору была передача, в основу которой лег этот самый «Пригородный инцидент». То есть моя с Баксом история. Кажется, каша заваривается серьезная. По всей стране заваривается. За последних две недели активные группы граждан бессудно расправились с двенадцатью собаками породы Бакса, тремя немецкими овчарками и семью доберманами. Под горячую руку попал даже один черный русский терьер, зверушка уж вполне безобидная. Хозяева боятся своих собак. Некоторые просто выгоняют их на улицы. Где их успешно отстреливает милиция. Через парламент собираются провести закон, запрещающий домашнее содержание служебных собак, собак бойцовых пород и собак, чей рост превышает сорок сантиметров.

Так же серьезно обсуждается вопрос о возможном прекращении действия федеральной программы опекунов. В разных областях уже возвращены в свои детские дома около сотни воспитанников. И вообще количество усыновленных и взятых под опеку детей по всей стране стало стремительно снижаться.

А виноват во всем я.

Я поднимаюсь с кровати. Мне не очень нравится здешний матрас, дома у меня был лучше. Мягкий, набитый вкусно пахнущей кокосовой стружкой. А у Бакса была большая плетеная корзинка, и он спал в ней, как кошка, это ему Ли подарила.

Я поднимаюсь с кровати и делаю три шага вперед, затем три шага назад. Если сделать четыре шага – упруешься носом в стекло двери, а это ни к чему. Потому что, когда я упираюсь в стекло, дежурный начинает нервничать. Он подходит к моей комнате и показывает мне шокер, пускает голубую искру.

Странно, я стал замечать, что дежурный мне начинает постепенно нравиться. Может быть, это оттого, что я почти никого не вижу, кроме этого дежурного.

– Будешь дергаться, – говорит дежурный, – я тебя живо успокою.

Дежурного я понимаю. Работа у него нервная и опасная. Ведь охранять меня – опасное занятие. Вредное для здоровья.

– Сидишь? Так тебе и надо, – ворчит он. – Все вы такие. Сначала кошек душите, потом на людей переключаетесь...

Дежурный, оказывается, кошколюб.

Вы вот любите кошек? Если вы любите кошек, значит, я не из вашей компании. Я кошек не люблю. Я их просто ненавижу. Видимо, это наследственное.

Я не люблю кошек. Про то, что кошек не любил Бакс,

нечего и говорить. И с кошки, в общем-то, все это и началось.

Началось все с Кики. С этой мерзкой блохастой твари, которую почему-то так любила Ма. Сначала я даже обрадовался, что он пропал. Этот жирный котяра нам всем давно уже надоел. В смысле нам с Баксом. Я бы даже отступился от своих принципов и придушил бы его потихонечку, но было жалко Ма. А придушить Кики стоило.

За относительно небольшой период нашего знакомства Кики успел внушить к себе ненависть. Кики обладал целым набором на редкость отвратительных качеств. Более противного существа я не встречал в своей жизни и думаю, что больше и не встречу. Кики был неприятен внешне, и его внутренний мир вполне соответствовал его облику.

Кики был огромен. Это был исполин среди котов, я думаю, он весил никак не меньше десяти килограммов. Причем это был не только чистый жир, но еще и весьма злобные мускулы – Кики с легкостью сиамца взбирался в случае опасности на любой столб, что свидетельствовало о его хорошей физической подготовке. Такую значительную массу Кики приобрел благодаря пристрастию к одному оригинальному блюду. С утра Ма готовила Кики еду – открывала две банки тунца, запускала их в блендер, добавляла туда пяток бананов и взбивала до получения однородной серой массы. После чего Ма вываливала все это в небольшой тазик и зва-

ла Кики. Кики появлялся и сжирал бадью за минуту. После чего отправлялся спать на шкаф, чтобы мы с Баксом не могли его достать. Кстати, на этот шкаф тоже опирался сам Гагарин. Но Селедка Кики не гоняла, видимо, она ощущала с ним тайную духовную близость.

Кики процветал. Мне все время казалось, что Кики вот-вот должен очокуриться от ожирения сердца, но Кики жил на радость Ма и на скорбь нам с Баксом.

Кики был вреден. Это был настоящий монстр, разрушитель и враг всего живого. Кики с упорством Терминатора уничтожал в округе всякую мелкую живность. Мышей, кротов, воробьев, ласточек, навозных жуков, летучих мышей, морских свинок, других кошек, попугаев, список его жертв можно было продолжать до бесконечности. Причем свою добычу Кики не поедал, а закапывал в дальнем углу сада. У него там образовалось целое маленькое кладбище.

Пытался Кики одержать триумф даже над собачьим племенем. Он брал, к примеру, украденную в детском саду морскую свинку, душил ее и выкладывал на дорогу. Через минуту появлялся соседский абрикосовый пудель и принимался со свинкой играть. И тут откуда-нибудь из кустов вылетал Кики. Глупый пудель с визгом несся прочь, и только неповоротливость Кики спасала этого розового доходягу от позорной смерти. Представляю, с каким наслаждением поместил бы Кики трупик несчастного пуделька на свое кладбище!

Мы с Баксом пытались его отучить от этих манер, но

неудачно. Нам удалось спасти лишь семейство кроликов, обитавших в углу сада, да и то случайно. Как-то мы с Баксом отправились посмотреть на кроликов и их детенышей и застали там бесчинствующего Кики. Кики увлеченно, с омерзительным громким урчанием раскапывал кроличью нору и не заметил, как сзади подкрался Бакс. Почуял опасность Кики лишь в последний момент – он рванулся, и в зубах у Бакса остался лишь самый кончик его хвоста. Я хотел сделать из этого хвоста брелок наподобие заячьей лапки, но подумал, что это несколько огорчит Ма. С тех пор Кики к кроликам не лез.

Впрочем, вредил Кики не только маленьким и беззащитным, он вредил всем, кому в силах был навредить. Бывало, Кики прятался на яблоне, под которой любил отдыхать Бакс, Бакс приходил, ложился спать – и тут на него с мявом обрушивался Кики! Удовольствие, прямо скажем, для Бакса небольшое. Или еще. Бакс не всегда все сразу съедал из своей миски, оставлял. Коварный же Кики никогда не упускал случая в эту миску нагадить. Но больше всего пострадал от Кики Па.

Однажды Па шел по коридору, а Кики брел навстречу. Конечно же, Кики и не думал уступать Па дорогу. И совершенно заслуженно получил ногой под брюхо. С тех пор Кики затаил на Па обиду и вынашивал планы мести, ждал подходящего случая. И случай скоро представился. На сорокалетие сотрудники в фирме, где Па был начальником, скинулись и

купили Па дорогие швейцарские часы. Па их очень любил. Как-то раз он пришел с работы и совершенно случайно положил часы не в комод, как обычно, а в хрустальную конфетницу. И вышел. В окно тут же проник Кики, он залез в конфетницу, помочился в нее, да еще и нагадил прямо на часы Па.

Тогда Па хотел застрелить Кики из пистолета, но мать Кики отбила. И нам запретила Кики наказывать. С тех пор Кики совсем распустился и буянил уже совершенно безнаказанно.

А теперь он пропал.

Мне бы радоваться, но радоваться с чистым сердцем я не мог – Ма очень расстраивалась, а я не люблю, когда кто-то расстраивается. И я решил найти для нее Кики.

Я подозвал Бакса и сказал:

– Кошка. Кошка. Ищи.

Пес прижал нос к земле и медленно двинулся наискосок сада.

Бакс очень быстро нашел след Кики. Он посмотрел на меня, гавкнул и уверенно двинулся к забору. Видимо, здесь Кики взгромоздился на изгородь, чтобы выбраться на улицу.

На изгородь я влезать не стал. Мы добежали до прокопанного Баксом лаза и выбрались через него на улицу Розы.

Наша улица зовется улицей Розы. Хотя я лично никогда тут ни одной розы не видел. Па говорит, что это название происходит еще со времени революции 1917 года. Улицу на-

звали в честь Розы Люксембург ⁶, а потом фамилия Люксембург как-то отпала и улица стала называться улицей Розы...

Ладно, опять отвлекся. Мы вышли на улицу Розы, Бакс быстро отыскал след пропавшего кошака и двинулся по нему.

Сначала Кики брел вдоль дороги. Он пребывал в хорошем настроении – очень скоро мы обнаружили задавленную им лягушку. Видимо, Кики вышел немного погулять и размять свои кости перед серьезным преступлением. Скоро он перебрался на другую сторону улицы, дошел до перекрестка, немножко подумал и направился вверх по холму.

Раньше на холме стояла водокачка, к водокачке вела липовая аллея. Но в войну водокачку разбомбили, а потом ничего уже и строить не стали. Аллея разрослась, и вся верхушка холма покрылась липами, получился лес, который все почему-то называли парком. На самом деле это уже был настоящий лес, правда, не очень густой. Лес как шапка. Наверху лес, а под ним город, бухта, железная дорога, озеро. Лет двадцать назад собирались лес на холме вырубить и понастроить дач, но народ воспротивился и лес отстоял.

Кики зачем-то направился в лес.

Я сам не очень люблю этот лес. Кусок древней тоски в самом сердце цивилизации. Вросшие в землю валуны, красные кирпичные развалины, неприбранность какая-то. Но Кики пошел именно сюда.

⁶ Роза Люксембург – немецкая коммунистка начала XX века.

Сначала Кики уверенно направлялся в лесную чащу, чтобы задрать там дикого хомяка или какую-нибудь птицу малиновку. Я понял это по тому, как плотно шел по следу Бакс. Но затем характер следов Кики, вероятно, изменился. Кики вдруг пошел извилисто, стал шастать туда-сюда. От дерева к дереву. Сначала я думал, что Кики просто рехнулся. Но потом я догадался.

Кики здесь не просто шел, Кики убегал. Запутывал следы. Бакс остановился и зарычал. Мне это совершенно не понравилось. День перестал быть солнечным и беззаботным. И я перестал быть беззаботным, я похлопал Бакса по загривку, и мы двинулись дальше.

Мы обогнули остатки кирпичной стены и вы-шли в заросшую липовую аллею. В аллее Кики заметался еще сильнее. Отчаянно заметался, даже мох кое-где лапами повывидал.

Я шагал медленно, настороженно. Странно, но Бакс, обычно такой веселый и жизнерадостный, как-то сжался и тащился рядом, к тому же постоянно оглядываясь на меня.

Аллея заканчивалась трехсотлетней липой. Там, возле этой толстой черной липы, Бакс остановился.

– Вперед, – приказал я.

Но пес не сдвинулся.

– Вперед! – повторил я.

Бакс зарычал, и его шерсть встала дыбом.

Я оглянулся. Никого.

– Двигай... – сказал я уже не так уверенно.

Бакс пригнул морду к земле. Он рычал и не трогался с места.

Такое я видел уже во второй раз. Вернее, в третий.

Скорее всего возле этой черной липы преследователь догнал Кики.

Первый раз Бакс вот так же остановился три года назад.

В наш город, ну, туда, где располагался мой очередной детский дом, приехал бродячий зверинец. Нас повели всем классом смотреть на животных, детишки, общаясь с животными, становятся добрее и лучше. Я обрадовался, но сказал, что пойду вместе с Баксом, ему тоже будет полезно посмотреть на животных. Наш воспитатель сразу же сказал, что это невозможно, при виде Бакса звери будут нервничать. Я целый день убеждал директора, что Бакс спокойный и ни с кем ругаться не будет. Нас пустили. С утра к крыльцу подогнули автобус, все ребята дружно погрузились, и мы отправились на экскурсию.

Передвижной зоопарк расположился на рыночной площади прямо напротив Дома культуры. Мы купили билетки с детской скидкой и двинулись вдоль клеток.

В первой клетке сидел волк. Я испугался, что волк, увидев Бакса, сразу кинется на решетку, но волк остался равнодушен. Бакс же тихонько заскулил и прижался к моим ногам. Одна девочка сказала, что волк, совсем как собачка, и совершенно не страшный, но я-то видел, что это не так – в глазах у волка жила ненависть, волк был опасен, волк ждал.

И в случае чего волк ни за что не упустил бы своего шанса.

Дальше мы встретили дикого кабана, и он тоже был опасен. Оленя со спиленными рогами и северного оленя, который от теплого климата весь полинял и был похож на неопрятную овчарку-переростка.

Хуже всех был крокодил. Он лежал в полуденной отключке, судя по запаху, обожравшись какой-то тухлятины.

Зебра. Зебра оказалась похожа на обычную полосатую лошадь.

После зебры были енотовидная собака и лев. Собака не стала на нас смотреть, а лев посмотрел. Это был совсем маленький и усталый лев, я представлял львов совсем другими. Потом я понял, почему лев такой – я заметил на полу клетки крошки, льва кормили хлебом, и поэтому он был такой худой. Одни глаза и грива. Глаза большие.

Там еще были страус, водная змея анаконда в каком-то искусственном болотце, павиан, он мне не понравился. Зубр с зубренком. Мы шагали вдоль всех этих животных, и мне было их жалко.

А в самом конце ряда клеток Бакс вдруг остановился и зарычал. Как я его ни толкал и ни дергал, Бакс не двигался, и мне пришлось хлестнуть его по спине поводком. Бакс неохотно поплелся за мной.

Это была пантера. Она была больна. В боку у нее совсем не было шерсти, торчало наружу мясо, а по нему ползали жирные черные мухи. Пантера их даже не сгоняла. Может,

она устала, а может, ей было уже все равно.

Я не стал на это смотреть, а наш директор спросил, почему администрация не принимает никаких мер. Служитель сказал, что пантера никого к себе не подпускает, а дать ей снотворное нельзя – сердце может не выдержать. Вот так. Директор стал возмущаться и говорить, что будет жаловаться, что так обращаться с животными нельзя, что не пройдет и двух дней, как их зверинец будет закрыт... Служитель молчал.

После этого мы сразу же уехали домой. Настроение у всех было плохое, и мы всю дорогу молчали. А вечером по местному радио передали, что пантера убежала.

Организовали облаву. Десять человек с ружьями и собаками зашли к нам в детский дом и сказали, что они собирают всех служебных собак и им нужен Бакс. Я сказал, что Бакс без меня не пойдет, директор подумал и отпустил нас, выдал мне плащ и сапоги. Потом я понял, что для облавы им не требовались служебные собаки, им нужна была сила, они хотели послать кого-нибудь вперед.

Облава рыскала по окрестностям нашего приюта. Впереди сеттер⁷ и две борзые. Люди с ружьями бежали за ними, а мы с Баксом были пока сзади. Сеттер сделал стойку и повел в овраг. Он повизгивал, дрожал и вообще психовал. Еще бы, это не уток на болотах тиранить. Бакс смотрел на него с удивлением, он пока ничего не чувствовал, у сеттера нюх

⁷ Сеттер – порода охотничьих собак.

был острее и тоньше.

– Нашел, – руководитель облавы оттащил сеттера и кивнул мне, – запускай своего убийцу.

Я отщелкнул с ошейника Бакса карабин.

– Бакс! Вперед! Ищи!

Бакс посмотрел на меня, я кивнул, и мой пес понесся по запаху с грозным рычанием. Я хотел было побежать за ним, но взрослые отстранили меня и вошли в овраг первыми.

Пантера умирала. Она лежала и смотрела на нас. Половину ее правого бока занимала огромная рана, кишащая желтыми червями. Они копошились в воспаленном мясе и жрали пантеру еще живую. Наверное, она уже ничего не чувствовала. Я надеюсь.

Бакс чихнул и поморщился. Он посмотрел на меня, спрашивая, что ему делать.

– Стой пока, – велел я.

Бакс заскулил. Я положил руку ему на голову. Вокруг был запах.

Этим кошмарным запахом было пропитано все вокруг. И я догадался, что это пахнет не пантера. Пантера пахла по-другому – обычная сухая шерсть, даже я его слышал. Но другой запах был сильнее. Он перебивал запах зверя.

И я понял, что это был за запах.

Смерть.

Бакс рычал и жался к ногам.

Где-то за спиной лаял безмозглый коричневый сеттер.

Бакс дыбил шерсть и продолжал рычать.

– Вы что, не видите? – спросил я у взрослых. – Она же...

Мне было страшно. Первый раз в жизни я боялся смерти.

– Не бойся, – сказал я тогда пантере...

Над моей головой бумкнул выстрел. Пуля попала ей в глаз. Пантера дернулась и перевернулась на спину. Я оглянулся на стрелявшего – это был служитель из зверинца, тот самый. Он пристрелил пантеру: нет пантеры – нет проблем.

Запах разросся и затопил весь овраг, я не вытерпел и выскочил наверх. Бакс пыхтел за мной.

Теперь у черной вековой липы я слышал этот запах снова.

Глава V

ПРИБЫТИЕ

Вы верите в предчувствия? Я верю. Стоя перед липой на вершине холма, я уже знал, что эта история закончится для меня плохо. Как если бы с горы сорвался огромный камень и покатился вниз, и я чувствовал, что рано или поздно этот камень меня раздавит. Куда бы я ни убежал, где бы я ни спасался.

Белобрысый принес мне самую первую газету. Большими буквами заголовок «Чудовище». На фотографии под надписью я. Видимо, это был тот момент, когда меня взяли. Лицо у меня перекошено от боли и ярости. Выглядит страшно. И почти вся газета про меня. В основном, конечно, про то, что случилось. Я прочитал. Правда, запомнил только передовую статью.

Она была написана скверным газетным языком, сразу видно, что автор привык сочинять не статьи, а рекламную чушь для городского электрического завода.

«Даже выдавшие виды работники милиции были удивлены жуткой сценой, разыгравшейся в одном из коттеджей городского пригорода. Около часа дня на пульт дежурного поступил вызов. Соседи слышали из-за изгороди страшные крики и вызвали милицию.

Прибывший патруль был буквально парализован страхом. Место преступления напоминало декорации к фильму ужасов. К сожалению, в интересах следствия мы не можем раскрывать все детали. Да, честно говоря, и не хотим. Подробности совершившегося настолько ужасны, что могут повергнуть в состояние шока даже самого черствого читателя. Достаточно сказать, что один из приехавших милиционеров помещен в специальную клинику с нервным срывом.

Первой же мыслью оперативных работников была мысль о маньяке. Всем известно, что в последние недели в нашем городе участились случаи нападения на подростков. Пострадавшие не могли внятно описать внешность нападавшего, но все как один утверждали, что от него ужасно пахло, и все говорили про острые зубы. Высказывались мнения, что эти нападения – дело рук психопата. Однако после первых же следственных действий, после осмотра места происшествия стало ясно, что это чудовищное злодеяние совершил не человек.

Вернее, не только человек. Преступление было совершенно...»

Дальше рассказывалось, как наша доблестная милиция моментально прореагировала на совершившееся злодеяние, как она взяла след, как меня быстро нашли. Как я оказал сопротивление, но был обезврежен.

Белобрысый с удовольствием прочитал эту газету вслух, а затем прилепил ее на стекло двери в мою камеру, с обратной

стороны. Видимо, для того, чтобы я как следует мучался.

Но я не мучаюсь. Теперь, сидя в этой комфортабельной клетке, я много думаю. О выборе. Что выбор есть почти всегда. Всегда можно уйти, а можно остаться. Можно шагнуть вперед, а можно назад. Я все-таки шагнул вперед. Это было тяжело. Это, наверное, всегда тяжело. Тогда я стоял на вершухе холма и думал приблизительно об этом же.

Итак, я стоял почти на самой вершухе холма. Мне хотелось снова убежать и где-нибудь спрятаться. Чтобы не нашли. Судя по морде Бакса, он испытывал такие же чувства.

Но мы не убежали. Я был большим, умным и сильным, я понимал, что страх – он в голове, а значит, с ним можно справиться. Поэтому я пошел дальше.

Через сорок шагов я оказался на вершухе холма.

Справа сквозь листья блестело озеро. Мне даже почудилось, что я слышу запах жареной рыбы с набережной. Бакс, кстати, тоже облизнулся. Я бы с удовольствием посидел тут, наслаждался бы тишиной, послушал бы озеро и крикливых чаек, но мне надо было все узнать, и я пошагал вниз, на другую сторону.

Скоро я обнаружил и другие следы, для этого даже чутье Бакса не понадобилось. На земле и на стволах некоторых лип виднелись клоки кошачьей шерсти. Кики волокли.

Мы двинулись дальше.

Более-менее проходимый лес закончился, и начались гу-

стые кусты, настоящие джунгли. Пробираться сквозь них было тяжело и неприятно. Все кусты были в шерсти Кики, она забивалась мне за шиворот и лезла в нос, отчего хотелось чихать. На некоторых кустах эта шерсть была красной.

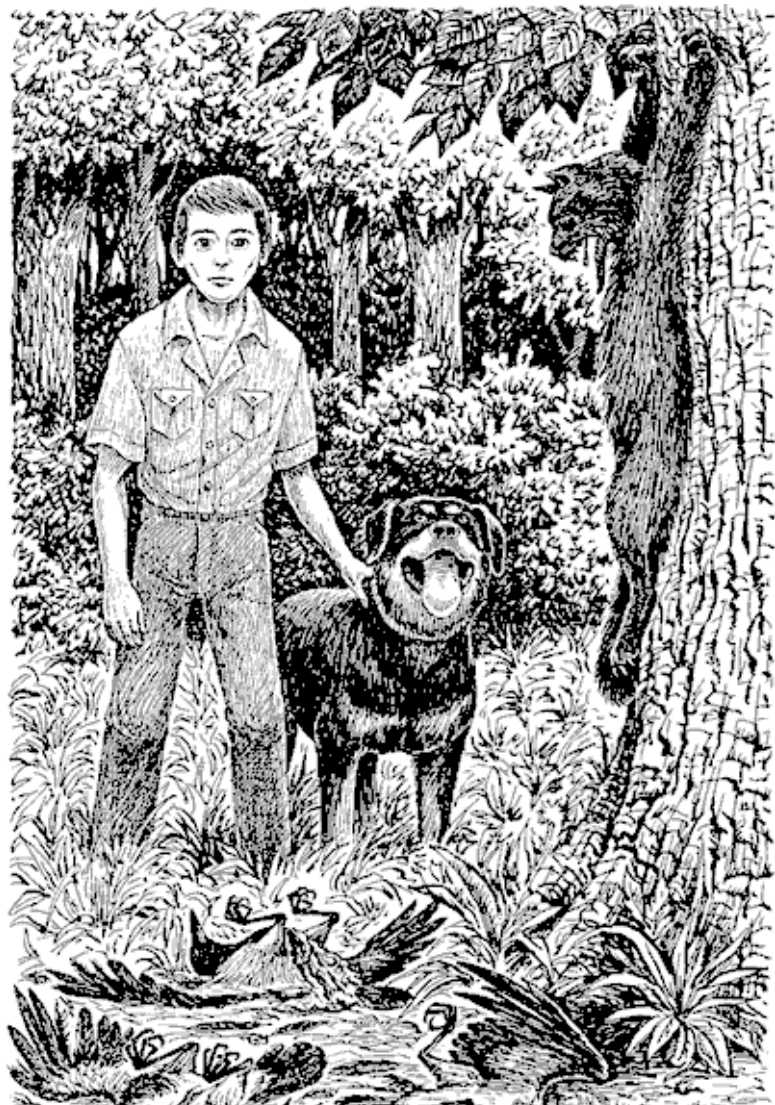
Бакс морщился.

Потом мы вышли на полянку. Полянка была небольшая, шагов двадцать в диаметре. В центре рос тополь. Высоченный, как все дикие тополя. К тополию был прибит гвоздями Кики. Мертвый и как-то высушенный, будто это был не настоящий кот, а набитое опилками чучело.

Бакс зарычал.

Я огляделся и прислушался. Бакс тоже понюхал воздух. Он продолжал морщиться, но явных признаков беспокойства не выказывал. Все было тихо. Тогда я подошел поближе и рассмотрел тополь получше.

Сначала я думал, что Кики прибили, чтобы сильнее помучить. Но потом понял, его прибили, чтобы он не дергался – нижняя челюсть у Кики была вырвана, отчего морда у него стала какая-то вампирская. Еще под деревом лежали несколько мертвых птиц, ворон. Вороны были распотрошены, перья грязными кучками рассыпаны рядом.

Меня затошнило. Я отвернулся и закрыл глаза. Подождал, пока желудок успокоится. Бакс вообще не смотрел в сторону дерева.

Я оглядел это место еще раз. Я надеялся, что Кики поймали местные хулиганы или бродяги, или просто какие-то подонки, мучители животных, но следов людей не было. А люди оставляют следы.

Кики поймало и убило что-то другое. Я развернулся и побежал к дому.

Я бежал быстро, изо всех сил, стараясь выкинуть из головы мысли и воспоминания, пытаюсь избавиться от осевшего в легких запаха гнилой листвы и кошачьей шерсти. Но мысли все равно меня не оставляли. Теперь я знал, что в этом городке появилось нечто, чего раньше здесь не было.

Дома продолжались поиски Кики. Вернее, Кики искала одна Ли. Она ходила по саду с фонариком и периодически звала: «Кики, Кики, ты где?» Но Кики не отзывался, не мог отозваться. Кики сейчас отдыхал, прибитый гвоздями к тополю. Я подошел к Ли.

– Вы так и не нашли Кики? – спросила она у меня.

Я покачал головой.

– Куда запропастился этот уродец? Найду – шкуру спущу. И тапочки из нее сделаю с бубончиками. Ма весь день в расстройстве.

Ли легонько топнула ногой.

Я подумал, что вряд ли теперь шкура Кики будет пригод-

на для изготовления тапочек. Пожалуй, при определенной фантазии из него можно будет приготовить несколько при­манок для рыбной ловли, но не больше.

– Ты не хочешь его еще поискать? – спросила Ли.

Искать снова Кики мне не хотелось.

– Какой ты вредный сегодня. – И Ли как всегда хлопнула по носу Бакса.

Бакс думал о чем-то своем и поэтому легко увернулся от руки Ли.

– И ты, Бакс, вредный сегодня, – надулась Ли. – Не хотите мне помогать, идите ужинать, а я тут еще поброжу. Подумаю.

Ли снова отправилась в яблони. А мы отправились к ве­ранде.

На веранде отдыхали за вечерним чаем Ма и Па. Па ды­мил трубкой, Ма наслаждалась пассивным курением. Я под­нялся на веранду и устроился за столиком. Бакс заполз под скамейку.

– Явились, – улыбнулась Ма. – Целый день где-то болта­лись, а теперь вот явились.

– Все в репьях, заметь. – Па выпустил дым.

– Мы Кики искали, – сказал я. – Всю округу облазили, ничего не нашли.

– Жаль, – сказал Па, но я-то видел, что ему ничуть не жаль.

– А ты, Бакс, тоже ничего не нашел? – спросила Ма. – А, бездельник?

Бакс увкнул.

– Понятно. – Ма кинула Баксу печенье, и эта продажная шукура проглотил его в мгновение. – Ничего не нашел, зато в грязи весь перемазался. Вот тебя Изольда-то пылесосом!..

При слове «пылесос» Бакс недовольно заворчал.

– Такая серьезная собака, а пылесоса боится, – сказал Па. – Ладно, впрочем... О чем это мы говорили?

– О Римме.

– Ага. – Па выбил трубку. – История получилась нехорошая, должен тебе сказать. Но мы не виноваты, мы только неделю назад узнали о существовании этой девочки.

– Она нам родственница, кажется? – спросила Ма.

– Дальняя. Она с моей теткой троюродной жила, на Урале где-то. А потом все это и случилось...

– Что?

Па промолчал.

– Что случилось-то? – спросила Ма.

Тут я понял, что Па не хочет говорить при мне, и удалился, сказав, что пойду посмотрю, что делает Ли. На самом деле я просто зашел за угол и стал слушать. Не знаю, почему я тогда так сделал, что-то меня насторожило, что именно, я сам даже не понял.

Па рассказывал:

– ...ну, в общем, она с собой покончила. У нее нашли болезнь, и она не выдержала. Она с ума просто сошла. И все это произошло на глазах у Риммы...

– Ужасно как, – произнесла Ма.

– Ужасно, – согласился Па. – А перед тем как повеситься, она пыталась убить девочку. Она так к ней привязалась, что решила не оставлять Римму одну. И хотела ножом... Какой шок для ребенка, только представь! А после смерти тетки Римму передали на попечение в одну семью, тогда еще не знали, что у нее родственники есть...

Па помолчал, из-за угла выплыло облако дыма, и я понял, что Па снова раскурил трубку. Неожиданно на озере загудел катер, и я не услышал, что сказал Па. Я подвинулся чуть поближе.

– ...гуляли вдоль дороги, – говорил Па. – Их грузовиком сбило. Обоих. Даже в закрытых гробах хоронили. Очень сильно были...

Снова рывкнул катер.

– ...так и не нашли. А тут и мы отыскались, единственные родственники.

– Бедная девочка, – прошептала Ма.

– Да уж, – согласился Па.

– Лизе только не говори! – напомнила Ма.

– Понимаю. – Па вздохнул. – С утра вот оформлял опеку. Теперь мы – ее семья.

– Я всегда хотела троих детей, – сказала Ма. – Как раз будет.

– Точно. Сейчас поеду забирать.

Я услышал стук выбиваемой трубки и с невозмутимым ви-

дом вышел из-за угла.

– Ну что, Бакс, поедешь со мной на машине кататься? – спросил Па.

Бакс был готов ехать куда угодно, но Ма воспротивилась.

– Нечего его брать, – сказала она. – И так девочка натерпелась, а ты еще ее испугать хочешь. Вон у него морда какая хищная.

– А ты не хочешь со мной съездить? – спросил у меня Па.

– Не, – ответил я. – Меня в машинах укачивает.

Бакс разочарованно вздохнул.

– Ну, тогда один поеду.

И Па отправился в гараж. Ма достала свои сигареты и закурила тайком от Па.

– А вы чего смотрите? – прикрикнула она на нас. – А ну, быстро в сад!

Мы с Баксом отправились в сад. Бакс сразу же завалился под свою яблоню и захрапел, сегодня мы хорошо погуляли, и он устал. Он все-таки не очень выносливая собака, сильная, но не выносливая.

Впрочем, я решил последовать его примеру и лег под яблоню с другой стороны, только не на землю, а на надувной матрас. Сначала я никак не мог уснуть, потом меня разморило, к тому же храп Бакса звучал весьма усыпляющее, совсем как шум дождя. Я уснул и увидел мир сквозь закрытые веки, мир был золотист и прекрасен.

Проснулся оттого, что у ворот сигналил Па. Бакс тоже

проснулся, и мы побежали посмотреть, что случилось.

Машина Па стояла на улице, он сам мялся перед воротами и пытался открыть их вручную. Автоматика ворот почему-то не сработала, и Па никак не мог сдвинуть решетку в сторону. И вдруг ворота сдвинулись и преобольно ударили Па по лбу. Он ойкнул и упал на асфальт. Ворота остановились, а потом стали двигаться снова. Прямо на Па. А он сидел на асфальте, смотрел на решетку и пытался закрыться от нее руками.

Я растерялся, просто стоял и смотрел.

Тут к Па вдруг прыгнул Бакс, он схватил Па за шиворот и оттащил в сторону. Ворота захлопнулись.

– Молодец, Бакс. – Па потрепал пса по загривку. – Выручил. Сегодня все пирожные тебе...

Бакс лучился от счастья и радости служения.

Я вышел через калитку на улицу, подошел к машине Па и заглянул внутрь.

На заднем сиденье автомобиля сидела девочка лет десяти. Она была худая и бледная до синевы. Волосы белые. Девочка не обратила на меня никакого внимания, посмотрела сквозь. И тут же я почувствовал, как ноги мои задрожали, а спине стало холодно и неудобно. Потому что я увидел...

На лице девочки, пустом и невыразительном, ясно читался знак.

Глава VI

НОЧЬ НА ЯБЛОНЕ

Зима. Уже поздно. За стенами кочегарки пурга, мы сидим на длинной скамейке, греемся у бойлера, дуем чай из берестяных кружек и слушаем. Сухой ворочает в топке длинной кочергой, щурится от жара. Захлопывает дверцу, устраивается в самодельном, из большого пня кресле, смотрит на нас, потом запускает свою очередную историю:

– Когда я был маленький, пацаненок совсем, даже еще меньше вас, к нам в деревню пришел человек. Худой такой, бледный, еле живой. Его накормили, в бане попарили. А это давно было, сразу после войны, мужиков поубивало, а кто еще не успел вернуться, в деревне одни бабы да ребяташки. Ну, бабы обрадовались, руки рабочие всегда нужны, поселили его в избе председателя, одежду кое-какую собрали, поесть тоже. В деревне одна старуха жила, совсем из старых, богомольных старушек, она бабам и говорит, вы что, не видите, кого приютили? У него же на лице печать. Бабы смеются, какая еще печать – райповская или сельповская? А старуха опять: вы гоните его, пока не поздно, это не человек совсем. Поздно будет, кровушки попробует – не выгоните. Бабы не послушали, человек этот и остался. И в ту же ночь в одной избе женщина умерла. Никаких признаков, просто

умерла, и все. Дочку ее стали спрашивать, что с мамкой случилось, не приходил ли кто? Дочка и отвечает, да, приходил и сказал, что, если кому скажешь, завтра и за тобой приду. Пытали ее, пытали, да она так ничего и не сказала. Молчала. В следующую ночь все заперлись на все замки, топоры с собой взяли, вилы. И стали ждать. Не дождались. А поутру еще одна женщина умерла. Все испугались. Я пошел гулять, иду по улице, а навстречу как раз этот человек идет. Румяный такой стал, круглый, красивый. И мне улыбается. И что-то в этой улыбке мне так не понравилось, не знаю просто... Я сам не свой стал, иду, не вижу куда. И прямо к дому старушки этой пришел, что всех предупреждала. А она меня будто ждала. И говорит, видел, мол, на лице у человека печать? Знак то есть? Я отвечаю, нет, не видел. Старуха говорит, запоминай и, если сможешь, расскажи другим. Если нос, глаза, брови и скулы образуют фигуру...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.